

Станислав Юрченко

Причастие

СТИХИ

Manager Land

Ханты-Мансийская окружная библиотека

HO

л. Советский

ВДАР

43665

1992 г.

88(2 Poe=Pye)6 KF2 1083 M82.1

Haueux nyub Hau euge ne oñeucu.

Александру Ворошнину собрату по службе

Две нитки рельс легли, как две струны, через тайгу, болота, тундру, мари. Что мы с тобой об этом крае знали асфальтового города сыны? Мы каждый шли сюда своей дорогой, своими меря верстами судьбу, бездействие меняя на борьбу, покой домашний на сигнал тревоги. Гитары нашей неуемный плач будил не раз туманные урманы, и залечив полученные раны мы вновь вгрызались яростно в кедрач. Как две судьбы, сойдясь на горизонте, две нитки рельс легли через тайгу, где вышки нефтяные берегут весеннее, негаснущее солнце. Я точно знаю, что пройдут года, и наши сыновья дома покинув пойдут опять на снежные равнины, куда еще не ходят поезда,

Старики

Мы ходили в сумерках парами, целовались в темных дворах. Мы считали себя бывалыми, испытавшими радость и страх. Мы на взрослых смотрели искоса—дескать, что с них взять, старики.

Говорили друг с другом изысканным языком, писали стихи. Мы не знали, что жизнь не балует, не ломал нас тяжелый труд Мы не знали-законы старые в этом мире еще живут. Что пройдет много лет и с усмешкою будем юность свою вспоминать. усмехаться старенью поспешному и седые виски потирать. Узнавать себя в наших детях, не желающих нас понимать. Мы не знали, как долго на свете нужно жить, чтобы жизнь осознать Мы ходили в сумерках парами, мы не знали, что жизнь велика, что совсем мы еще не бывалые. И смотрели на всех свысока.

Аян

Наше судно в Аянской губе полуночной волной раскачало далеко от родного причала, в мере, пахнущем рыбою, где гладь воды холодна и прозрачна. Час прощанья все ближе. Олни редких окон меж сопок, Удача только тем, кто рискует. Вагляни. по изломам причудливо странным нависающей горной цепи расползается крадучись стланник кедрача и кипрея цветы.

Здесь узнали мы истин несложных правоту, хруст соленых рубах и надежду в таких невозможно ослепительных женских глазах. Нежность губ. тонких рук прикасанье, шепот ласковый, ночи без сна Разорвет глубина расстояний и крутая, тугая волна память этих минут непокоя, блеск песка золотого в ручьях, настороженный взгляд Аюкоя,* белых чаек стремительный взмах. Все, что былозакроют туманы, все, что будетеще впереди: начинаются в новые страны неизведанной жизни пути. Звякнул колокол третьею склянкой, дрогнул корпус стальной корабля, напєвает «Прощанье славянки» парень голосом бухты Аян.

* Аюкой —поселок золотодобытчиков на берегу Охотского моря

Сорок лет в високосном году. Затаенно, но видно напрасно я ищу среди тысяч звезду, ту, что вспыхнув со мной не угасла, вспомнив тех, кто сегодня уже не войдет в мои двери без стука. Вифлиемовой ночи разлука развела на крутом вираже в а с, кто вместе со мной рисковал и сегодня не мыслит иного. Сорок лет —

это тот перевал, за которым все старое ново. Среди сотен сияющих глаз, снегопада вопросов и мнений искры редких, счастливых мгновений окрыляли взволнованных нас. Я тебя на песке рисовал, открывая в чертах разночтенье. Сорок лет —

это тот перевал -

за которым все чаще сомненья. Но, конечно, не все, что имел, растворило ушедшее время и еще не намечен предел старых истин и новых прозрений, Жизни росчерк, как прерванный сон, Сорок лет — с пробужденьем в преддверьи удачи.

это тот горизонт,

за которым все видишь иначе. Пусть завидуют кте, то не верил, подходящее слово найду: повезло —

я сегодня отмерил сорок лет в високосном году.

Над Обью чайки.
Ветерок,
рожденный утром, разыгрался.
И за излучиной остался
обжитый нами городок.
На крутояре кедрам зябко,
и вязко падая с небес,
как будто согревая лес,
одета облачная шапка.
Мне этих мест не разлюбить —
соров просторы,
рек бурливость.
Природа мне дарила милость
в ее нетронутости жить.
В ее волнении раздольном —

Сибири мощь, России щит, и, как орган в концерте сольном, ее величие звучит. Все мы — от плоти плоть земли, все мы —

ее родные дети. А разве есть на целом свете дороже к матери любви.

Б. Окуджаве.

Нам стареть не дано. На перронах вокзалов ваших песен слова дань в пути поездам. Наша молодость с вами, Булат Окуджава,

прошагала с гитарой к далеким кострам. Ог далекой, простой, ясноглазой улыбки отделил, как отрезал нас времени слог. Только память хранит в тех видениях зыбких звуки Моцарта скрипки и грохот сапог. В этих песнях простых-то войны отголоски. то арбатских дворов королевская рать, пыль далеких дорог, золотые березки. звезды глаз голубых, не уставшие ждать. Мы и нынче еще не совсем повзрослели сердце вешним скворцом рвется в юность опять. В тот апрель, где признаний своих не успели самым лучшим пропеть, самым первым сказать, Наши годы — не тлен, бытие — не унынье, обещанья -- не звук и любовь --- не угар в этой жизни земной, где звучат и поныне строки вашей души, струны наших гитар.

За плечом моим пережитый страх, горьковатый дым всполохов костра. И чужая ночь, и знакомый тын, хохотушка дочь, пересмешник сын. Но, однажды, вдругоборвется нить —

сердца ровный стук перестанет бить. Я прольюсь дождем, озорной водой, просочусь ручьем, обретя покой. Где земное вновь переходит в тлен, насыщая кровь животворных вен. И взойдет трава утверждая суть солнцу и ветрам подставляя грудь.

Жаль, листва берез никогда уже не уронит слез по моей душе. На земле святой, доброй и живой—

холода и зной, тишина и вой. И другой голечо лямкой надсадив струны иссечет, изменив мотив. Шаг вперед, другой —

горизонт видней, тетивой тугой вереница дней. Как, уж, было—вдруг рухнет на бегу, завершая круг на цветном лугу. И пройдут дожди, и взойдет трава. Непростая жизнь —

ты всегда жива. Семенами сей вызов вечности, сбереги детей, пожалей, прости.

Портрет матери

Твое лицо в мерцающем багете — разлет бровей, задорный юный взгляд. Тридцать девятый. Шаловливый ветер нечаянно отбросивший назад льняных волос причудливый барашек. Уже почти отмерен полувек —

в твоей руке букет простых ромашек ночной росой умытый не поблек, Валдайские ветра тебя качали, родные берега твоей Тверцы тебя ростили и предназначали TOMY, кто мне назначен был в отцы Крутой послевоенною зимою едва державшись на ногах без сна, прижав к груди шептала надо мною: «Не плачь, сынок, уже идет весна». И провожала в школу торопливо, поправив ранец, в лоб поцеловав Неправоту незлобливо корила, и радовалась, если был я прав. Седые нити в прядях заблестели, следы морщинок тренули лицо,

и свадебные марши отзвенели, из гнезд на волю выпустив птенцов. Но в трудные и горькие мгновенья, когда никто не в силах защитить, я приходил к тебе за исцеленьем, за помощью. Связующая нить твоей любви меня всегда хранилав дни радости, в дни проклятых годин. Как хорошо, что ты меня родила, как плохо, что сегодня я один. Уже печатью нас Господь пометил и дети подросли. Но вечен срок негромких слов, единственных на свете: «Ведь ты устал, иди приляг, сынок».

Зарос травой разбитый, старый дот. Колышет тихо ветви теплый ветер. А в памяти опять далекий год—безжалостный, кровавый, сорок третий. Тяжелых туч воздушная завеса, среди болот, разбухших от воды, на кромке замерзающего леса знакомых лиц сомкнутые ряды. Не всем в живых остаться до заката, но в этот час перед судьбой равны святым и грозным именем —

солдаты, суровою **УДачею** войны. Перед заставшим. строгим батальоном комбата звонкий голос не забыть: «Мы выстоим --другого не дано нам, мы победить должны и, значит, жи ь». В короткой завершенности приказа горячих слов расплавленный свинец. Я помню все, хоть не был там ни разу, я помню все, что помнил мой отец.

В моих ночных раздумьях иногда моих друзей забывшиеся лица приходят чередою сквозь года, чтобы душою воссоединиться. Как будто нас никто не разлучал—

здесь и ушедшие давно и те, кто живы. Зов верности —

покинутый причал собрал ладьи на бирюзе залива. Морщины чертят лица —

знак беды, рубец потерь, порез приобретенный. В их многогранности хитросплетений угадываешь вечности следы. Упорное, негаснущее племя — вперед других, не передоверяя. Все меньше вас — бескомпромиссно время. Теряем все, теряем все, теряем.

Чем возраст оценить? Оставив сзади года, давно распятого Христа, мы, трогая рукой седые пряди, решаем жизнь. Извечна и проста ее канва крутые повороты, падения и взлеты, и опять, Чем оценить ееумением работать, уменьєм жертвовать, уменьем побеждать? На сыновей глядим — они взрослеют, красивы, не по возрасту умны, и ценностями лучшими владеют, чем те, что в их года владели мы. Что мы подарим им степей пространство, тайгу и небо, горечь трудных дней, любимых женщин ласки, постоянство нетленных принципов,

изменчивость идей?
Незримым светом будущее с прошлым соединило памяти окно.
Ушедшее не умерло, проросшим из старых истин поднялось оно.
Нам столько лет, на сколько повзрослеют т е, кто пришел за нами следом жить.
Наш возраст — это то, что мы успели, и что еще успеем завершить.
Чем возраст оценить?

Мыс Укойсинева озер, Волны бьются о корни сосен, лето тихо уходит в осень, догорает ночной костер. Начинают ронять березы золотую листву --лови. и на мраморе лилий слезы исчезающей в небе зари. Не забыть нам ночей июля, брызги звезд, серебристый бор разве мы не с тобой тонули в этом море тайги и гор. Поднимается солнце. Стынет в паутинах рассвет седой. Яркой каплей брусники вспыхнет белый мох под твоей ногой.

Прощание с бухтой

Мне помнится соленый ветер твой, пожатье рук мозолистых и строгих. Я уезжал, Накатистый прибой ворочал гальку берегов отлогих. Кричали чайки над твоей водой и кедры низкорослые шумели, пытаясь удержать, но не сумел. Я уезжал. За пенною чертой осталось все, чем ты меня пленилаголубизна задумчивых озер, кипящих речек бешеная сила, слиянье неба с морем, синих гор торжественная строгость караула, покрытый лесом сумрачным увал. Я уезжал. Прибрежных рифов скулы лоснились черным лаком. Срезы скал --свидетели крылатого базара молчали. Исчезающих минут прощания с друзьями не хватало, последних слов. Палаточный уют за кромкою песчаной косогора сигналил дымом прокопченных труб. Седой закат пылал немым укором. Я уезжал из детства.

Сердца стук неугомонно и красноречиво соединял, что стало дорогим,

с тем будущим, еще неразличимым, неясным. но уже почти моим. Мы здесь росли стремительно и смело, приобретая мужество в делах, неся любви нетронутую веру в своих поступках, мыслях и словах. В сыром брезенте временного быта хранили мы содружества тепло, вторичный смысл стихов почти забытых и откровений хрупкое стекло. Былинная, непознанная сила купели ледяной твоей воды нас окрестила и заговорила от равнодушья, лени и беды. Но время однозначно. Только память далеких, юных дней тревожит кровь и вызывает грусть --уже не раня. Я уезжал. И возвратился вновь.

Издавна, от самого начала, так уж повелось со старины, женщина мужчину провожала в годы лихолетья, в дни войны. Сыновей к подолу прижимая,

осушив глаза смотрела вслед, OHEMEB. от горя не живая. разом постарев на двадцать лет. В сковая скорбь в прощанье этом старых матерей, солдатских вдов, стон земли, не скошенных хлебов, писем, не дождавшихся ответа. Но не раздавило злою болью, не сломало. Снова от земли нежные ростки на русском поле вскормленные женщиной взошли. Так от века. Если облака. єсли ветєр с нивы пахнет гарью, женская нетвердая рука силу неземную обретает. Нежностью. руками этих рук. русская земля скудней не стала, возрождалась, из руин вставала, женщиной спасенная от мук.

Вот, так дела!

Ну, чудеса!
У дочки моей появилась коса.
В голосе звонком цымбалы звенят.

— Папа,
гляди
это бант у меня,
В зеркало дочь заглянула опять,

глазки состроила и хохотать. Видимо, с лентой смешинку вплели. Радуйся девочка. прыгай, шали. Тоненький хвостик задорно торчит. —Ишь, извертелась, мама ворчит. Словно мгновения годы пройдут, русые косы твои отрастут. Дочка твоя будет так же играть, дочки всегда походили на мать... Вечер погас. Опускается ночь. Смолкнув, уснула счастливая дочь. Пусть тебе ангелы счастье трубят, Я посижу, погляжу на тебя.

Мои друзья собрались за столом, как двадцать лет назад прекрасно юны, и памяти серебряные струны уже поют романсы о былом. Сквозь дали, годы, чопорность парада я узнаю знакомые черты мальчишек, что росли со мною рядом, девчонок — тех, в кого влюблялся ты. Я позже все узнаю. А пока, торжественны и тронно величавы

прекрасных дам веселые шелка волненье нашей встречи увенчали Как было просто все. Усвоил ты бескомпромисно и категорично разграниченье правды и приличий, лжи, подлости, стыда и правоты -в далекую, прекрасную весну. А, єсли, что и было непонятно, учителя доходчиво и внятно расскажут как, куда и почему. Как было ясно все Клялись когда-то, что вместе проживем всю жизнь, ребята. И тут же разлетелись кто куда кто самолетом, кто на поєздах. На ваших дорогих чертах уже лежит печать времен и расстояний. Черты все строже, глубже, постоянней, все тверже. На занятом рубеже кипит металл и строятся заводы, седеют жены, сыновья растут. Мы встали рядом молча, словно тут меж нами встали города и годы.

Наших пуль нам еще не отлили и не падает конь под тобой.

В башлыках посеревших от пыли звездной россыпи яркую синь, эскадроны уносят с собой провожающих глаз ожиданье, запах жухлой листвы за плетнями и осеннюю раннюю стынь За проселком неласковый ветер, да земли утомленной стерня не расскажут, конечно, где встретит неизвестная доля меня. На каком полустанке забытом. осадив боевого коня, буду пулей случайной убит я, или выйду живым из огня? Не успев тишиной надышаться в конной лаве-клинки наголо эскадроны над степью промчатся и задышит она тяжело. Мы иного себе не желаемкровь траву напоит как водой. И замрет в этот час неживая мать, поникнув седой головой. Этим временем нас одарило это время бессменно со мной. А судьба наших пуль не отлила и не падает конь под тобой.

Мы говорим — еще не вечер, еще не кончена строка, а груз прожитых лет на плечи нам давит лямкой рюкзака. Мы говорим—

последних песен еще не спели соловьи, а прошлое снежком белесым накроет волосы твои. Мы не внизу еще —

на склоне, не притупился чувств порыв. Все так же в первом эшелоне нас посылают на прорыв. Долой мотив унылый.

Сами

мы мерим версты и года. Делами,

музыкой,

стихами

мы расписались навсегда на звонких вихрях круговерти весомым росчерком пера. Нам рано говорить о смерти, но жизнь осмысливать пора.

А. Гаврилову посеящается

Прощайте, братья!
На гробах
не пишут праздничных сонетов.
Весенний воздух отогретый
друзей
предательством
пропах.
Прощайте!
Призрачный удел
вы этот сами выбирали,
и на скрижалях начертали
самим себе —
кто что хотел.
Одни для дома,

для семьи свое направили призванье. И откровенное незнанье в высокий принцип возвели. Другие проще В стороне углы опасные оставив Замкнулись вдруг. Себя не славя, собой довольные вполне. А третьи? Разменяли суть меж маркишонством и элитой. Ушли. оставив воз разбитый Кто этим может попрекнуть? Н∈ каждый в житие герой, у каждого свои печали. И жизнь-не сахар. НЕ прощали вам ни геройство, ни разбой. Душа болит. Как ни простить. Не оставаясь тем, что есть я, высоким пониманьем чести вам постараюсь возразить. Тебе. кто слаб был и непрочен, за хвост удачи не ловил. Я не скажу, что ты порочен, но Молох не таких давил. Прощайте! Делайте судьбу. Она еще не раз предложит за все платить. И подытожит сомненья, fbycocth

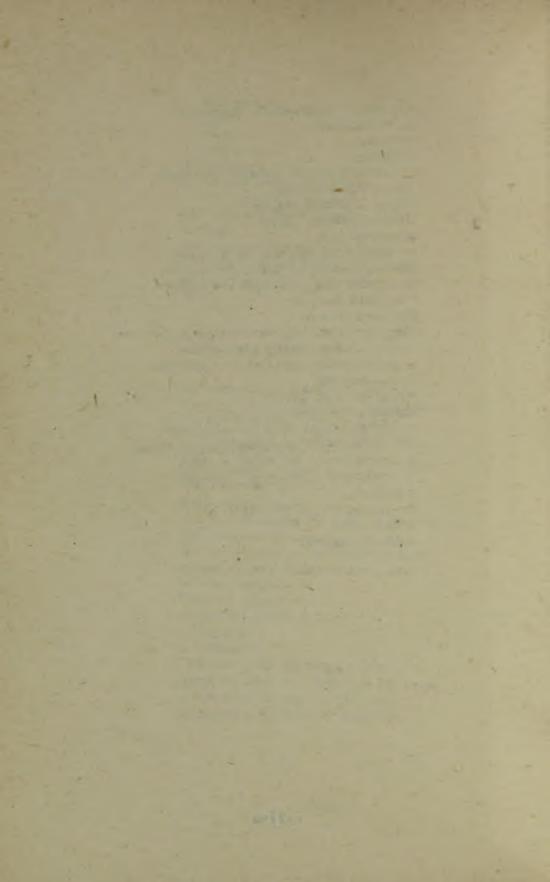
и борьбу.
И отзовется.
Для кого
простым, цветущим ипан—чаем,
для прочих—разным.
Я прощаю.
Прощайте!
Больше ничего.

Нас стадное, как ни печально, единство пьянит, как вино. Не каждому зверю дано топтать своих близких и дальних, Соратники по проживанью, борцы за неясную цельсо страстью, огнем, обожаньем протиснемся в каждую щель. Что, братья и сестры мои во Христелюб^ители странной охоты, все травим и гоним кого-то собачьею сворой. В узде хрипят полумертвые кони и пена летит. А в глазах погоня, погоня, погоня, и все разъедающий страх. Пора оглянуться на стаю --влословие -- порче сродни. Но снова стволы поднимаем: Ату его!

—Вот он!
—Гони!
Охота.
Какая охота
с лежачего шкуру содрать
и мєжду своих до икоты
чужие грехи смаковать.
Не сложно быть правым,
считая,
что волен понять и постичь.
Но зеркало не искажает.
Взгляни—не охотник ты —
дичь,

По деревням и весям —суета. Кипит котел страстями раскаленный. Горланят площадями города, столбят свои границы регионы. Все наше было, все теперь -мое. Расслабили узду, взбрыкнули кони, как будто снова их в конюшню гонят. Над нищею страной заря встает. А в переходе, в толчее людской седой старик протягивает руку и ловит медяки. Прибой морской наполнен нефтью, мусором и скукой. Сибирь накрыла жаркая погода, трещит тайга от красных петухов. И мечется сознание народа, не находя достойных пастухов.

Народные избранники жужжат, не прекращая, яростно, исправно. По телевиденью—сюжет забавный Здесь все понятно. Жаль, что хлеб не сжат. Залить пожары драк, рассеять дым ни левые, ни правые не в силах. Зачем, земля, ты сорняки ростила и мелких бесов предпочла святым. Но слава Богу --Бог не виноват. Перекрестясь под колокольным звоном мы заменяем водку самогоном и дефицитной килькой — сервилат. Все — ерунда. И нас от бед спасут горячие желания премьера, и в коммунизм незыблемая вера, и в радостный освобожденный труд. В одной толпе и судьи, и зека. А генералы празднуют победы в стране, откуда все куда-то едут, забыв себя и корни языка.

Hanusuu une napy enporen.

. .

Ворвешься в жизнь мою метелью белой, языческим. неповторимым даром. И рук твоих податливая смелость меня оплавит, как свечи огарок. В дыхании палящем зимней ночи нас уравняет громкое молчанье, и завершит во тьме союз непрочный торжественное, тайное венчанье. Узнаю откровенья истин тленных -на все мои оставшиеся годы мне хватит тех минут самозабвенных, что нам с тобой отмерила природа. На стены лягут линии косые, среди других теней бесплотных тая. Мне наплєвать на слухи, Ты отныне в душе моей уже почти святая И позабыв себя тебя узнаю, сомненья вкус и губ солоноватых. А грешные глаза твои сияют как две звезды на бархате заката.

Ты не первая.
В жизни твоей — я не первый.
И что больше скажешь. Не вернуть тех стремительных дней, что прожили по разному каждый. Две песчинки ветрами несло по огромному шару земному— поздно встретились,

не повезло видно нам, ни тому-ни другому. И союз этот равен беде, прикасанию льдин в половодьеприкаснулись и снова уходим одинокими в талой воде, и меняя свои очертанья. оставляя обломки души А поток наши судьбы крошит не в прощение нам в наказанье. Вот уже не осталось почти ничего, что свело воедино. Под лучами растаяли льдины и исчезли с водою в ночи.

На улице ветер мокрый фонарную жесть качает, в задрапированных окнах тенью лица овал. Странности встреч коротких, колкости слов случайных все отразилось в стеклах старых твоих зеркал. Ветренны, как погода, как суета блудливы лживые откровенья от пустоты ключи Полночь пора ухода с шепотом торопливым. Поторопись, ступенью

не заскрипи в ночи. Краденые мгновенья жадных свиданий этих не опъяняет разве двойственность темноты. Скоро предаст забвенью мокрый осенний ветер тайну нєпрочной связи знаем и я, и ты.

В твоих глазах огромных и счастливых, еще не утомленных грузом лет, сверкают бирюзовые разливы, оправленные в розовый рассвет. И в юности твоей широкоокой моей любви случайная искра событием не станет. Одинокой тебе не суждено искать костра священного и вечного союза. Он сам тебя найдет Не торопись познать любви и материнства узы и пустоту потерь. Успеет жизнь и наградить тебя и обездолить противоречий связь едина в ней. Не торопись сейчас со мною спорить, не торопись -я старше и мудрей.

На обоях цветы голубы, а глаза у тебя глупы. Я от ласки твоей отвыкя старик,
ну, а ты еще любишь цветы.
Мне, наверно, любить—не уметь
и с тобою детей не иметь.
Уже рюмка моя пуста —
я устал,
ну, а ты еще хочешь петь.
Провела по щеке рукой,
заглянула в глаза—покой.
Сигарета погасла моя
и я,
а тебе уже снится другой.

Figure .

Напиши мне пару строчек о тайге, о синей ночи, напиши мне, если хочешь, для кого в невесты прочат. Объясни, со мною споря, цену радости и горя, отчего глупеют в ссоре и заискивают в споре. Отчего грустить—напрасно, а смеяться —неуместно, отчего твердят -- не ясно, если все давно известно. Ищут бурь в воде стакана и пасуют перед силой. Отчего не хочет мама, чтобы ты меня любила.

Тобой в лицо мне брошенное слово — и мир застыл. Назад дороги нет. Сдавило горло. Смех сарказма злого оставит на лице потухшем след. Мне все понятно, все вполне приемлютебе уйти, а мне остаться жить, но разве всем потерям болью быть и ненавистью, вспыхнувшей мгновенно? К чему она? И так пришла беда, не мы одни --предписано судьбою ему очаг теперь делить с тобою, а мне другая выпала тропа. Еще вчера у нас хватало слов, улыбок, взглядов, бережных признаний. Я чувствовал взаимопониманье и не было критических углов. И что же. все, что нас соединяло -разлуки, встречи, радость и печаль, все вдруг исчезло, выцвело. увяло? Мне жаль тебя. Прости меня, но жаль.

Эпилоги.

11.

Боль -не боль, а все же не до смеха -лопнула единственная связь, что связала паутиной света, и не удержав --оборвалась. Все, что было все исчезло всуе. Стерся образ. Выцвели стихи. Карандаш судьбы опять рисует резкие зигзаги и штрихи. У тебя другие увлеченья, новый круг друзей и род забав: жизнь -- река, а на ее теченьи много есть удобных переправ. Я не знаю, как ты судишь строго TO, что с нами вышло наяву. Вижу ты смеешься слава богу. Ну и я не плачу я живу.

2

Ты уходишь гордо, не спеша, унося с собой, что было нашим. Уходи. Мне этот черт не страшен — новых песен требует душа. Постоянства хрупкие опоры --сколько вас к прекрасному глухих проходили через этот стих, оставляя запахи Диора, изменив не раз своей судьбе. НО не потрясли, не испугали -мы ведь тоже не однажды лгали, оставаясь верными себе. Жизнь — не одиночество. В пути ищем мы счастливых озарений, новых встреч и новых откровений Только вот сумеем ли найти? Я хотел бы выставить на суд мысль. что много лет меня тревожит -что нам скажут те, что вас моложе, что они еще преподнесут?

Выстрел грянул.
И упала птица,
утонув крылом в болотней рже.
А ружье твое еще дымится,
никому не нужное уже.
И в остекленевшем птичьем оке,
словно в потемневших зеркалах,
отразится небо
и глубокий
ужас твой в распахнутых глазах.
Поищи причину этой боли
в уголках души.
Ведь ты же сам
добровольно,

обственною волей, собственной рукой переписал BCe. в чем с нею вы легко ранимы. Чуть поторопился и конец Никогда бесцветный выстрел мимо не проносит роковой свинец. Жизнь она всегда переходяща, смерть --всегда стремительна и зла. Не спеши поднять стволы в ненастье на пороге летнего тепла. Удержи готовое сорваться слово. занесенное клинком над твоею птицей. Может статься все иным покажется потом. И с непониманием прощаясь сердце отопри ее ключом. Вдруг оно, минутное молчанье, остановит спусковой крючок.

Когда во мне взрывается душа и хочется кричать с остервененьем — твоих прохладных рук прикосновенье огонь сердечный гасит неспеша. Когда меня судьба в беду бросает, когда тревога у дверей стоит — прикосновенье теплых губ твоих меня от одиночества спасает.

Когда в меня вся боль войдет звеня, когда скрипишь зубами от бессилья—твои глаза спокойные всесильны сберечь от разрушения меня. В моей руке — твоя рука лежит, моя судьба — твоей судьбы частица. И никогда мне в жизни не простится, что не умел тобою дорожить.

Не трудно отступить дойти труднее, в молчании сглотнув комок обид Сильней казаться, чем на самом деле, волненье спрятав за беспечный вид. Мы все живем надев чужие маски -кто, вдруг, удавом кажется порой, кто кроликом, кто бесхребетной лаской, и все боятся просто быть собой, В тебе. моя любимая. то ценно. что позабыв соседей пересуд, ты остаешься камнем драгоценным среди заброшенных, опустошенных руд. С тобою забываю шепот грязный, молвы хулу и злобу клеветы.

Я сам не знаю, кем бы был сейчас я, когда б со мной по жизни шла не ты.

Опять самолет твой уносится в высь из нашего снежного краяя снова тот день вспоминаю, когда наши судьбы слились. Был март. Над сугробами воя, беснуясь стонала метель, а где-то звенела капель, с зимой надоевшею споря. Холодных снежинок сверкающий рой твой волос покрыл сединою, а в воздухе пахло весною, дождями, цветами, травой. Слабеющих губ укоризна, доверчивость тонкой руки до боли душе дороги, как самое близкое в жизни. И если тоской одиночество жжет твой голос родной вспоминаю. Я точно, любимая, знаю, что так же страдаешь и ждешь. Звонков телефонных, мгновенных, как искры сгорающих встреч. Так трудно все это сберечь, а нужно сберечь непременно.

Я устал. Облетела листва. Дождь холодный завесил пол мира. Беглецом, не имевшим родства, я скитаюсь, меняя квартиры., Подгоняемый вечной молвой пью не сладкую чашу расплаты. На душе опаленной и злой побелели рубцы и заплаты. Помню --вечер, волненье. вокзал. ожидающих скучные лица, и слова, что не к месту сказал, и слезу на пушистой реснице. Верил в чудо. И чудо пришло -поцелуй твой, терпенье святое. Не заметил. И вновь понесло от тебя. от любви. от устоев, от друзей, что с тобою имел, прямодушных и добрых, как дети. Я устал. Наступает предел на чужой, одинокой планете.

Ты помнишь. любимая, песня? Из прошлого. небытия приходят недобрые вести, недобрые слухи тая. И шепотом передается звучит в тебе новый мотив, иными словами поется искрящийся, солнечный стих. Что сложено было отидева ударами ранящих бурь. Печною золою покрыта твоя чистота и лазурь. Жаль, песня, не станешь волнуя дарить мне из каждой строки приглушенный звук поцелуя, пожатие теплой руки. Мелодия смолкнет отныне Исчезнет, как влага в песках, родное, далекое имя. Пульсирует боль у виска. И тоска, тоска. тоска.

Разговор

--Что же, прощай, я нисколько тебя не виню, видно, не вышло у нас ничего, что хотелось. Песня окончена - значит не вовремя пелась. -- Ну, почему же прощай? Я тебя не гоню. —Не провожай меня, я уезжаю, прости. Время залечит тобой нанесенную рану — Что говоришь ты? Мне все это кажется странным Разве ты можешь вот так просто взять и уити? —Не убеждай меня, будто бы все это ложь,

время рассудит кто прав был из нас, а

кто не был.

 Милый, зачем ты торопишься — хмурится небо, не уходи, подожди, когда кончится дождь. -Все, что разрушено нами, уже не спасти, наше единство исчезло —оно безвозвратно. -Слов моих резкость ты понял,

наверно, превратио.

Ну, почему ты не хочешь ко мне подойти? Больно подумать— уже не вернуть этих дней, вдруг промелькнувших цветением летнего седа. —Мой дорогой, на колени к тебе я присяду? Ты обними меня, руки дыханьем согрей. --Знаешь, родная, я счастлив безмерно, что ты есть на земле, и готов своей жизнью

поклясться

наша судьба непростая -- луч солнца в ненастье. -- Милый, я счастлива тоже, но где же цветы,

Здравствуй! Я приехал Много лет. путь свой по земле творил один. Полустанков полусонный бред беспокойным ветром обходил. Голова. как серая зола, падала не раз на плат зари. Но твоя звезда меня вела к этим окнам через пустыри. Знал --дойду. доеду. долечу, потому от боли не кричу. Отложи заботы и дела. Здравствуй! Я приехал. Не ждала?

Забытый вальс

На пустой танцплощадке кудель нот, запутанных в песенной грамоте. И листвы золотистой метель кружит нас над тропинками памяти. Запоет камыш странным шепотом, ты меня услышишь уже потом. Распахнешь ресниц крылья легкие и покатит вниз нас нелегкая.

Белый вальс ты не дал мне когда-то пропасть. Дай мне руку. Не надо о том, что напрасно мы душу тревожили. Две струны это целый аккорд, как умели, так в общем и прожили. Береги слова пролетевших дней. ты всегда права добротой своей. Годы лучшие не поделишь вдруг, в крайнем случае завершится круг. Но все так же звучит ля-минор, как когда-то под звездами юности. И во взгляде уже не укор, а прощенье ошибок и глупостей. Не последний шаг рука об руку. Вознесись душа белым облаком. Горизонт простер версты длинные, а погода все больше ливнями. Этот валье нам с тобою кружить до конца, до зимы вместе с осенью. Паутин серебристая нить кроет головы тусклою проседью. Огонек простой, восковой свечи путевой звездой догорит в ночи. Пережили стыд и лишения,

а Господь простит прегрешения. Белый вальс — ты когда-то не дал мне проспать.

Мы в этот мир явились не случайноростки давно исчезнувших родов и очагов угасших. На бескрайних просторах, в переулках городов историю свою мы продолжаем, похожую, но все-таки свою -влюбляемся, расходимся. рожаем и исчезаем, где-то на краю всего, что нам отмерено природой Но встречи той, подаренной судьбой, мне не забыть Не растворили годы прекрасноликий, юный образ твой. В глазах твоих оливкового цвета мерцали искры августовских звезд, от полночи до самого рассвета нас над землею теплый ветер нес, оберегая жар уединенья и чистоту распахнутых сердец. А время из отброшенных сомнений нерасторжимости плело венец. Минуты счастья --вы всегда мгновенны. Как жаль, что расстояния и жизнь не сохранили неприкосновенным, чем мы владели.

Где ты?
Повторись!
Горчат воспоминанья и тревожат.
Но за рубцами пережитых мук
я чувствую,
я ощущаю кожей
прикосновенья губ твоих и рук—
что от меня уже не отделимо,
а в жизни поднимало на крыло.
Все остальное проносилось мимо,
а это задержалось,
не ушло.

—Не уходи. люби меня. Вечерний луч разлил кармин расстаявшего дня. Как я тебя любил! Сомкнулось времени кольцо над бездной бытия твое прекрасное лицо и пустота моя. Мерцаньем звезд в ночи седой блеск азиатских глаз. Стук сердца птицей под рукой рванулся и угас. Надежда опаленных губ. Свеча под образа. И драгоценный изумруд счастливая слеза. Святых и грешных голоса возникли из глубин твоей молитвой к небесам: — Люби меня,

#юби! Исчезло. Ветром унесло и растворило вдруг твое дыханье и тепло персплетенных рук, Судьбы бесхитростный сюжет -разлука, годы, зной. Мне не назвать тебя уже ни другом, ни женой. Но и когда в последний миг Архангел вострубит, твои слова прощенья крик: —Люби меня, Люби!

Родословная

1.

Мы —дети антов и славян. И жертвенность Ярилы у капищ и лесных полян Надежду нам дарила. В верховьях ласковой реки. где кривичей пределы лежали. дики и редки на грань водоразделов сходились в схватках племена за женщин и пространство, но прорастали семена и зрело постоянство в забытых пращуров делах. Еще вершили судьбылуна и солнце, боль и страх, бога. лихие люди. ветвей мельканье, снега хруст под звездным покрывалом. Еще ты не всесильна, усь! Еще щитом не стала твоих князей великих длань безудержным набегам. Все так же трепетную дань разбойным печенегам платили зубы сжав. Война

в дымах, колючих ветрах к огням священным Перуна несла святые жертвы. Еще не встал престольный град, Днепром укрывши спину, а гордый Кий уже в Царьград водил свою дружину. И Рюрик ладожских болот уже застроил землю. Врастался и мужал народ немногословный, древний. И Константиновы гонцы к порогу Святослава несли христовые венцы и летописей славу. Но не спокоен горизонт. От табунов несметных закрыло пылью землю. Стон твоей Любви заветной вновь звал на ратные дела. Богатырей родила и к отомщению звала возделанная нива. Чтоб не терзала саранча отцовские посевы. ты вновь рубил мечом с плеча направо и налево -не изменив своей судьбе, перетерпев оковы, от Александра на Неве -

до Дмитрия Донского. Словам Великого Петра мы и поныне внемлем свела в кулак его рука истерзанную землю. Ho Bepa мудрости сестра вела вперед. И крепло все, чем гордилась и жила моя держава. Ветры ее просторов и небес нас поднимали в небо. Магнитка Север, Днепрогэс. Ревтройки и комбеды. Тридцатых голод и разор. Крушение устоев. И окровавленный топор над втоптанной страною. Баланды лагерной кисель, изверившихся лица. Войны свинцовая метель и мертвые глазницы. Победы долгожданный день, земли вздохнувшей раны. И исчезающая тень ушедшего тирана. Как хочется мне иногда пойти и поклониться годам потерь, годам труда и мужественным лицам. Сквозь пыль исчезнувших веков господствует, как прежде,

одна лишь Вера — где Любовь повенчаны с Надеждой.

2.

Брезжит север зарею кровавою, насторожены лица людей. Волны быются студеною лавою о борта уходящих ладей. Безотчетно глаза воспаленные берег полденных скал проводив повлажнеют, До черни смоленые груди древних поморских расшив пенный след оставляют. Не вешены. чуть знакомы дороги туда, где крестами обжит почерневшими неуютный, манящий Грумант. Черный ворон фиорда скалистого вероломного ярла драккар распаляется взглядом завистливым. Черепов лошадиных оскал, блеск кольчуг, изготовленных фряжскими мастерами, руками рабов. Ненасытною злобой варяжскою дышит небо. И тускло свинцов горизонт неподвижный. Мозолисты руки русичей. Нетороплив и спокоен ватажник.

Позволит ли ОН ОТНЯТЬ ЭТУ ВОЛЮ? Мотив песен старых, сказаний загадочных, исчезающих в мареве льнов раздвигает стекло незагаженных, странно сколотых, зубчатых льдов. Вечный зов поколений исчезнувших вел вперед и на этом пути образа на рассохшихся, треснувших досках славили подвиг, Уйти. от намеченной цели немыслимо. от проторенных троп и дорог, от отцовских наказов, от истины, утвержденной у красных ворот новгородской посадскою вольницей. Славься Русь, разрастайся, живи! За тобою никто не угонится, не тревожься за берегплыви.

Апокалипсис.

«Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю».

Откровение Иоанна.

Надпись на скрижали

Покайся, путник! В мире этом нам нет прощенья. Мрак и дым. Ни странникам из Назарета, ни отошедшим, ни живым. Хранительница мыслей бренных то равнодушна, то остра, изменчива и откровенна ты, память --мудрости сестра Все помнишь ветер Палестины, царей Египта, грех людей, потоп и Ноя бригантину, исход в пустыню Иудей. И крест горящий не злаченый, а черный, в жертвенной крови, И целомудренность любви растоптанную. Обреченных под колокольный звон вели. Костры горели, тлело мясо. А божьи слуги в черных рясах молились веруя. Сулил всем страждущим сады Эдема распятый ими же Христос.

Исчезло все.
И запах тлена
благословил каталикос.
Детей своих, упавших ниц,
Отечество не успокоит
и стеганных их плащаниц
не окропит водой святою.
И ладаном не воскурят
его пророки, как известно.
Покайся, путник!
Гром небесный
гремит.
И ангелы трубят.

Болотный дух. Сторожевые вышки. Огонь костров. Зловещий лай собак. И ты не человек уже, ты- лишний, всего лишенный враг народа. Bpar. Ты-номер, не живой, но и не мертвый, замерзший, отупевший, грязный, злой. И в памяти твоей полуистертый и проклятый тобой тридцать седьмой. Друзей твоих лихие эскулапы уже пытали. Ты не замечал, как потные, безжалостные лапы к тебе тянулисы. Но во сне кричал. И в этом вечном страхе, в ожиданьи, в надежде, что сегодня пронесет, чужие, нереальные страданья не трогали. Зловещий поворот твоей дороги предопределили великий вождь и просто управдом. И ты-не лучше тех, что доносили. Ты-масса, ты- толпа А кто же он. тот, кто с тобою рядом жил недавно? Он- только искра в череде людей, которых ненавидел ты исправно по воле -тех, по совести - своей. Восторженный среди знамен и буден кричал надрывно, веря и любя, клеймил врагов, и даже правосудье вершить пытался. И теперь тебя испытывает вечностью Сиблага. А страх ушел. Осталась пустота без совести, достоинства. отваги. без покаянья, веры и мреста. В углу барака трепетно и строго

старик убогий молит благодать. Ему, конечно, легче он у Бога спасенья ищет. Где тебе искать? Над проволокой фонари качает, в ночи продрогшей ходит часовой. Ты помолись, быть может полегчает. А можешь не молиться. Черт с тобой.

Исповедь

обыкновенный русский малый, вредитель, как и прочие со мной. Каналармейцем к Беломорканалу я послан нас простившею страной. И реабилитируя домашних, работая ударно, без затей, тихонько забываю день вчерашний и даже имена своих детей. Любимая страна социализма мне прибавляет бодрости и сил. Ведь даже Горький, бог соцреализма, меня однажды как-то посетил. И оглядев отечески и строго напутствовал: победа -- впереди, штурм —до победы, нет иной дороги. До хрипа. До последнего прости. Сквозь гарь и кровь, сквозь грязь и лютый голод,

безумных мыслей скрученную нить я побеждал, что бы увидеть город, которому обязан правом жить Далекий свет забытого порога сияет путеводною звездой. Перекрестись тайком. Еще немного и в дальний путь, на родину, домой. Меня ударит насмерть на рассвете письмом твоим коротким, Как в дыму: живут одни в пустой квартире дети, в Кресты забрали брата и жену. И тьма настала черная и злая. Зачем, великий вождь, народов свет, ты обманул меня, конечно зная, что выхода для нас отсюда нет. За веру в чудо шел в любое пламя, но чудо пережив -за все плачу. И размахнувшись опускаю камень на голову и совесть палачу. Расстреливать, конечно, будут ночью. А, может, днем. Мне, в общем, наплевать. Я даже знаю, где меня прикончат, и с кем положат рядом отдыхать.

Погас, сверкнув, последний луч заката. Листок березы на ветру дрожит. Я попрощался. Мы не виноваты. Над мачехой — Россией мрак лежит.

Причастие

Пронеслись над страною невзгоды, злыми шрамами души изрыв, В эти послевоенные годы я родился, и вырос. и жив. И метало меня по вселенной в поездах, как в казачьем седле. по лесным гарнизонам военным, по широкой российской земле. Рос как все, обдирая коленки. каждый знал за околицей куст. В эти годы не ставили к стенке за разбитый нечаянно бюст. Но уже педагоги успели содержание каждой строки разъяснить мне. И слово «сидели» понималось, как слово «враги». Я на взрослых смотрел удивленно, если слышал о мысли иной. Только дед улыбался смущенно, возвратившийся прошлой весной. Годы шли Сомневаясь и споря

я решал наболевший вопрос кто же эту осеннюю горечь в нашу жизнь непростую принес. Фолианты глотая средь ночи обжигался, грустил и мечтал. Вместо приторно-правильных строчек я тайком. словно жулик, читал книги, что не однажды казнили. И листая страницы постиг правду ту, на которой учили, принимая ее, как постриг. С многоцветьем иллюзий прощаясь. матерясь, матерея в пути я все чаще себя ощущаю пацаном у иссохшей груди. Три сосны над безвестной могилой от счатсливого детства ключи. Скольких здесь беспределом скосило, не взирая на званье и чин. Затоптали мечту. Кто поднимет? Три свечи три сосны на яру. Пусть простит меня тот, кто под ними, за которого нынче живу. Что Россия с тобою? Ответь мне. Замесили замес на крови, Переломанное лихолетье

не исчезло. За мною стоит. Нам сегодня воздалось сторицей то, что не сохранили с тобой. Только знаю: должны возродиться совесть. вера, надежда и боль. Где бы черти меня не носили, свои песни пою. Причасти же меня, мать — Россия, дай почувствовать душу твою.

Ветеран

Ты живешь и орденские планки на груди тускнеют серебром. Стук твоей краснодеревной палки по асфальту словно метроном. Не щадила жизнь тебя, как видно, в те года, когда громил врагов, затаила горечь и обиду, вздрагивая от ночных шагов. Ты не опускался до скандалов. Жил по праву все тебе решать, брал по праву. а не как попало, и по праву подпись расстрелять.

Совесть это не для протокола. Надо значит надо без нытья. Шел по службе ровно, без проколов. Кто тебе всесильному судья? У страны ты был послушным сыном, наливаясь злобой до краев, как учил и священный и единый краткий курс истории ee. До бескомпромиссности уверен суд творил, Отечество любя. И смешало лагерной метелью всех, кто отличался от тебя. Было так, как надо --точно знаешь, если снова бой -пойдешь и в бой. Жаль, что только глаз не поднимаешь, встретив не расстрелянных тобой. Что ж, живи надломленный и странный: круг других забот вершит дела. Непогибших заживают раны, а твоя, видать, не зажила.

Реквием

Ночь над страной, за колючей стеной непогода. Тридцать седьмой — до конца не расстрелянный год, тридцать седьмой —

поседевшая память народа, тридцать седьмой затянувший нас водоворот. Опустошенный, разгулом безудержным смятый двадцатилетней державы ликующий миг. Авторитарной машиной умело распятый недоуменья молчавшего рвущийся крик. Грохот приветствий. ретивые, звонкие речи и лагерей пересыльных приглушенный стон, искры костров, согревающих плоть человечью, мерзлые комья надгробий могил без имен. Их увозили внезапно, ночами и в вечность, не отступивших от веры, с крылатой мечтой. Яркие судьбы --во мраке горящие свечи мягко несут паруса за последней чертой. Глаз, не забытых, суровая горькая правда в годы лишений, учившая наших отцов, не растворились в безликой шумихе парада, не изменила высоким идеям борцов. Где вы теперь у защиты отнявшие право? Кто ты сегодня забывший о жалости бог? Прошлое спорно дороги и влево и вправо, не повторить бы последних кандальных дорог. Летопись жизни незримый судья беспристрастный: пепел упавший пробили ростки на восход. Тридцать седьмой -непростой, грозовой и ненастный,

нас научивший сегодня задуматься год

Нас всех связала нить времен. Мы от земли не отделимыот летописных пилигримов и до вождей. Каким бы ни был: глуп, умен все за грехи сполна платили, Жаль. в настоящем воплотили сезон дождей. Соединила мать—Река всех живших, И вскормила грудью князей и воинов. Века от Понта до коварной жмуди тыл, где замлепашец за оралом пласт за пластом величил славу, твоим заступником по праву рожденья был. Еще стрельцов Покров — на Нерли не видел А народ мой верил в святых и купола. И развалить уже державу любая нечисть слева, справа, конечно, не могла. Межцарствие. Грызня и свара перемешалось все. Воспряла

в кровавых отблесках пожара, глазах невест твоих надежда. От святой Софии по сумрачным лесам России кресты священные носили и целовали их. Народ прозрел. Народ устал от грабежей и бед повальных, И в гневе вновь булат ковал на потаенных наковальнях. Не догоревший на костре. измятый шляхтическим барством, в Ипатьевском монастыре позвал Романова на царство. Как повелось уже от века покрыл чело народный суд узорной шапкою Узбека, 410 Мономаховой зовут. И присягнул народу царь, целуя лики на иконе, родной земле отдав в поклоне свой меч и честь. Еще вчера народ бесправный сошелся в рати. На кровавых полях Пожарского восславив, победы весть. И успокоилась земля, чтоб через триста лет обжечься о ствол Максима. И царя заставить от себя отречься. На брата брат сошлись. В огне пылали села и станицы, и перекошенные лица -отец и сын, и дух святой уже распятый все пожирающей расплатой. А козлоногий и рогатый исчез, как дым. Кровавый занесен топор. Сломались, не поднявшись, крылья. Партийный. первый приговор не осужденным утвердили, поставив подписи в строке испуганные коменданты В Ипатьевском особняке крошили пули бриллианты. И девочке Анастасии простые бабки приносили цветы с полей. Простит ли нас ушедших вече за облик тот нечеловечий и крик людей? За перепуганные лица, за доносительство, как принцип, щемящий вой над обезумевшей оравой под стягами цветов кровавых, за вечный бой. Пропив Христа и веру в чудо, сегодня ищем мы повсюду кто

виноват? Грызем зубами горло ближним, вопя на сумасшедшей тризне себе --виват И смуту, словно панацею от бедности, в умах посеяв в борьбе за власть, не делаем на йоту дела. А лишь бы мордой очумелой не хлопнуть в грязь. Мне кажется -из глубины веков и призрачных видений, однажды, не какой-то гений, а просто человек, войдет и скажет: —Не пора ли? Мы правду, как родник искали, но в словоблудии проспали грядущий век. Довольно нам дробить и красть TO, что не нами создавалось, что из под пепла возрождалось, плюя на власть. Не время лаять и скулить. Пора, в себя себе поверив, открыть навстречу людям двери. И просто жить.

Посвящается Тане.

Диалог

«... А потом прощальною данью я оставлю эхо дыханья в фотографиях и флюгерах, поцелуи сложу перед дверью — и волнам твоей поступи вверю ленты вальса, скрипку и прах».

ФРЕДЕРИКО ГАРСИА ЛОРКА.

Она

Все случилось, как молния в небесокрушительно. ярко, светло. Подхватило меня на разбеге и по вешней воде понесло. Озорным, длинноногим подростком завершая девчоночьий век поняла, как становится взрослым, человека узнав, человек. Как в ночи, обнимая подушку, не сказав даже лучшей подружке. видеть солнечных глаз синеву, что случилось с тобой наяву. Замирая в душе, дожидаться неизвестности. молча страдать. Ни с того, ни с сего разрыдаться, испугав удивленную мать. Весь не понятый мир не жалея, разделив на тебя и мужчин,

1 35 FA

невпопад улыбаюсь, глупея, и грущу без особых причин. Верю снам — обязательно вещим и гадаю над каждым цветком. Превращаться в ликующих женщин очень трудно. И очень легко.

OH!

В тебе все светло. Я тобою любуюсь. Роса под лучами блестит. И, если порой не к тебе адресуюсь, ты эту оплошность прости. Горит горизонт киноварью расцвечен, встает раскаленный рассвет. Налиты огнем мои руки и плечидля них невозможного нет. Вся жизнь впереди расстилайся дорога, весь мир на ладонидерзай Встают на крыло от родного порога веселых мальчишечьих стай нестройные клинья. Земля распахнулась. Заманчив высокий полет. Я вижу тебе от чего-то взгрустнулось, но это, конечно, пройдет.

Она

Солнце встало. Земля проснулась. Разбуянился шалый ветер. Я, любимый, к тебе рванулась, жаль. что ты ничего не заметил. Я сама себя ослепила, распахнула навстречу двери. Ах, мой милый, как я любила, я любила, а ты не верил. Согревающий луч рассвета глаз твоих и щеки коснулся. Я ждала от тебя ответа, я ждала, а ты отвернулся. Полдень легкой печалью тронет все забуду, играя с сыном. Я хотела, чтоб был твоим он, я хотела. а ты не понял. Все пройдет. Тонкий лед растает. Вспыхнут звезды. Наступит вечер. Ты меня позовешь, я знаю, позовешь, но я не отвечу.

O_H

Наша юность ушла. За крутым поворотом нашей зрелости память сжигает мосты. От тебя до меня—

шесть часов перелета. от меня до тебядвадцать лет пустоты. И дорога единственных слов и улыбок, что казалась когда-то простой и прямой, от тебя до меня--частоколом ошибок. от меня до тебя поросла лебедой. Нам лихая судьба ничего не простила, что разбилине 'склеить уже, не спасти. Не изменишь у песни ни слов, ни мотива, не вернешь, что утеряно где-то в пути Этот путь по земле наяву начерталов четкой цепи событий распалось звено: не единственным нам безраздельное право ошибаться в любимых и близких дано. Как торопится жизнь, как изменчива память, быстро дети взрослеют твои и мои. Между мной и тобой легким облаком тает ясный образ далекой. ушедшей любви.

Она

Ты—самый близкий в жизни. Но сейчас тобой другая женщина владеет, иные голоса тебе звучат, чужая нежность в непогоду греет.

Ты-самый главный в жизни. Но с другим иду по свету годы отмеряя, тревоги и сомненья доверяя другому не тебе. С тобой не с ним мои мечты, моя любовь и вера. Но все идет набитой колеейроняет листья под окошком верба и дождь стучит осенний. Над землей резвится ветер никому не нужный, холодный, до пронзительности злой. И молча я иду готовить ужин, смахнув рукой соринку со слезой.

OH.

Прожитое уже не изменить.
И, что бы невзначай не ранить близких, мы дорогих воспоминаний нить и редкие, случайные записки скрываем в недоступных уголках, куда себе не часто открываем тяжелые запоры.
На глазах меняется твой образ.
Растворяет его вода неугомонных лет.
Он все прозрачней, все неразличимей — рубец на сердце,

невесомый след, щемящий. дорогой, неизлечимый Не каждому дано прожить легко размашисто. стремительно, красиво. Нас чаще на родной земле косило утратами, здоровьем, шепотком. Пускай, кто не терял, сейчас злословит, в твоей любви -моей любви полет. Жаль, жизни бег никто не остановит, тем более назад не повернет.

Эпилог

Второй любви, увы, нам не дано она всегда одна на этом свете Где отыскать то самое окно и женщину единственную встретить? Еще немало звонкой пустоты в простых, обыкновенных наших чувствах. Нальешь в сосуд заглянешь -снова пусто. И болью обожжет. Не первый ты, кто жизнь свою прожил не так, как надо: где хорошо. где плохо не поняв, И ту, простую женщину — награду не разглядел,

не встретил, не нашел. А может быть она с тобою рядом неясным светом призрачным из тьмы, но ты священным отлучен обрядом, условностями. совестью, детьми. Не разорвать тебе порочный круг известна эта истина простая Неси свой крест, люби друзей. подруг --все то, что мы судьбою называем. И каждый раз перед тобой она в другом обличье. не похожем, новом. Изменчива, как ранняя весна, и непреклонна в облике суровом. жизнь прожить -не поле перейти, хоть новизны и нет в избитой фразе. А ты совсем не ошибался разве, не спотыкался на своем пути? Украдкой не ловил чужих призывов. не просыпался ночью весь в огне? Что ж, человек, как видно, ты счастливый. И, все же, отчего-то грустно мне

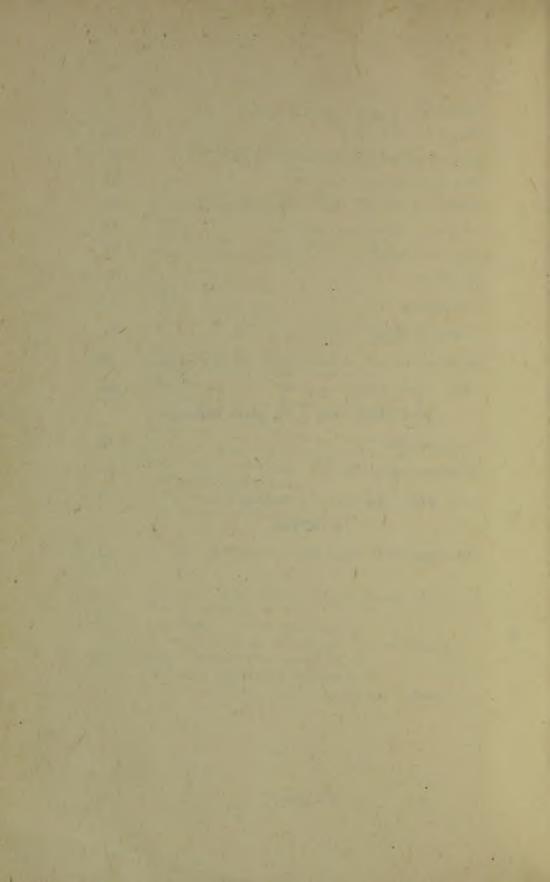
июль 1986 г.

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИХ ПУЛЬ НАМ ЕЩЕ НЕ ОТЛИЛИ

«две нитки рельс легли, как две струны»	1
Старики	1
Аян	2
«Сорок лет в високосном году»	3
«Над Обью чайки»	5
Б. Окуджаве	5
«За плечом моим»	6
Портрет матери	8
«Зарос травой разбвитый, старый дот»	9
«В моих ночных раздумьях иногда»	10
«Чем возраст оценить?»	11
«Мыс Укой. Синева озер»	12
Прощание с бухтой	13
«Издавна, от самого начала»	14
«Вот, так дела!»	15
«Мои друзья собрались за столом»	16
«Наших пуль нам еще не отлили»	17
«Мы говорим-еще не вечер»	18
«Прощайте, братья»	19
«Нас стадное, как ни печально»	21
«По деревням и весям суета»	22
НАПИШИ МНЕ ПАРУ СТРОЧЕК	
	2.4
«Ворвешься в жизнь мою метелью белой»	24
«Ты не первая»	24
«На улице ветер мокрый»	25
«В твоих глазах огромных и счастливых»	26
«На обоях цветы голубые»	26
«Напиши мне пару строчек,»	27
«Тобой в лицо мне брошенное слово»	27

Эпилоги	29
«Выстрел грянул»	30
«Когда во мне взрывается душа»	31
«Не трудно отступить»	32
«Опять самолет твой уносится ввысь»	33
«Я устал. Облетела листва».	34
«Ты помнишь»	35
Разговор	36
«Здравствуй»	37
Забытый вальс	37
«Мы в эту жизнь ворвались не случайно»	39
«Не уходи, люби меня»	40
НАС ВСЕХ СВЯЗАЛА НИТЬ ВРЕМЕН	
Родословная	42
Апокалипсис	47
«Нас всех связала нить времен.»	58
поэмы	
Диалог	62

The table of the state of the s

